

Глава 7. Напрасный поворот назад

После того памятного ночного разговора Ци Фань наконец немного пришёл в себя. Его взгляд всё ещё то и дело задерживался на Юй Шаолине, но, по крайней мере, юноша больше не шпионил за ним исподтишка. Стоило ему обернуться, как он сталкивался с ним глазами. Ци Фань неизменно улыбался в ответ, хотя старшему брату вечно чудилось в его выражении что-то странное и едва уловимое. В прошлой жизни Юй Шаолиню доводилось слышать, будто едва вылупившиеся птенцы принимают за мать первого, кого увидят, едва открыв глаза. Похоже, Ци Фань сейчас испытывал нечто подобное — синдром утёнка в чистом виде.

Миновав окрестности Чанъаня и оставив позади заставу Юймэньгуань, они вскоре добрались до самого входа на Путь к Небесам. Вокруг бушевали песчаные бури, застилая небо жёлтой пеленой, но среди мёртвой пустыни вопреки всему раскинулся оазис — точь-в-точь как в древних легендах. Правда, явленный взору приют казался полупризрачным, балансирующим на грани яви и грёзы. Лишь истинные заклинатели могли переступить порог подлинного мира; для простых же смертных он оставался недостижимым миражем.

Спутники без труда миновали огромные врата. Стоило им сделать шаг, как перед ними открылся совершенно иной, скрытый от посторонних глаз мир. Сначала они оказались на просторной, пустой площади, от которой в четыре стороны света расходились каменные лестницы. Удивительно, но одни тропы круто взмывали прямо в небеса, другие же уходили под землю. Все они, извиваясь и петляя, терялись в туманной дали, и конца им не было видно.

У начала каждого пути высились каменные стелы — судя по всему, они объясняли суть грядущих испытаний. Юй Шаолин подошёл ближе, чтобы изучить письмена. Восточная тропа именовалась «Восхождением на гору клинков», западная, напротив неё, — «Спуском в море пламени». На южной плите чётко высекали: «Напрасный поворот назад», а на северной — «Тяжкий шаг вперёд».

Хотя стелы умалчивали о том, что именно ждёт путников, названия говорили сами за себя. Проще всего было с «Восхождением на гору клинков» и «Спуском в море пламени» — одного взгляда хватало, чтобы понять, какие телесные муки и опасности там подстерегают. А вот «Напрасный поворот назад» и «Тяжкий шаг вперёд» казались куда более загадочными...

К счастью, среди них был прирождённый добытчик слухов — Лу Дибao. Малыш А-Бао отличался редким любопытством и острым ухом. Стоило ему ненадолго отлучиться и покрутиться среди других заклинателей, как он разузнал почти всё. Опасения Юй Шаолина подтвердились: на тропах Клинков и Пламени путников ждали суровые физические испытания, способные изорвать плоть в клочья. Однако и награда была велика — преодолевшие эти пути получали доступ в сокровищницу Пути к Небесам, где могли выбрать себе легендарное оружие.

Испытания же «Напрасного поворота назад» и «Тяжкого шага вперёд» были направлены на закалку духа. Смертоносных ловушек там вроде бы не водилось, так что физически они считались безопасными. Однако если разум заклинателя давал слабину, иллюзии могли пленить его навсегда, иссушив душу и лишив жизненных сил. За прохождение этих духовных

троп никто не даровал грозных клинков, но выдержавшие проверку получали пропуск в книжный терем Ланхуань, где хранились древние трактаты и тайные техники. Впрочем, какой бы путь ты ни выбрал, в самом конце, преодолев все преграды, каждый мог предстать перед священным алтарём Пути к Небесам, услышать пророческие слова о собственной судьбе и постичь своё истинное предназначение.

Теперь, когда правила прояснились, настало время сделать выбор. Юй Шаолиня, признаться, так и тянуло на тропу клинков или пламени, но здравый смысл вовремя взял верх. Его нынешняя ступень совершенствования была удручающе низкой. Сразиться с каким-нибудь порождением тьмы он ещё мог — там помогали хитрость и знание сюжета, — но против грубых физических угроз его куцых навыков явно не хватило бы. Ради собственной безопасности стоило отдать предпочтение духовным испытаниям. Из двух оставшихся вариантов «Напрасный поворот назад» казался чуть менее изнуряющим, чем «Тяжкий шаг вперёд». На нём Юй Шаолин и решил остановиться.

Младший брат А-Бао увязался за ним. Остальные же ученики павильона Яньюнь разделились: кто-то рискнул подняться на гору клинков, кто-то предпочёл море пламени. Едва с решением соучеников было покончено, Юй Шаолин из чистого любопытства принялся оглядывать чужаков. Заклинатели из секты Сицзянь, известные своим крутым нравом и упрямством, предсказуемо ломанулись туда, где погорячее — большинство из них без колебаний выбрали путь физических испытаний. Но один выбор по-настоящему изумил Юй Шаолина. Е Цзюэ, молодой глава секты Сицзянь, который славился самым яростным и негибким характером среди всех этих упрямцев, вдруг направился к тропе «Тяжкий шаг вперёд».

Юй Шаолин изумлённо вскинул брови и уже открыл было рот, чтобы расспросить его, но Е Цзюэ упредил вопрос презрительным взглядом:

— Мой клинок и без того совершенен. Другого оружия мне не нужно.

О как! А молодой глава секты не обделён гордостью!

Юй Шаолин лишь мысленно хмыкнул, но тут заметил, что Ци Фань тоже проигнорировал опасные тропы. Послушно следуя по пятам за старшим братом, он выбрал «Напрасный поворот назад».

Юй Шаолин опешил.

«Что за чертовщина?! Главный герой, ты-то куда лезешь? Зачем тебе эти духовные дебри? А как же твоё легендарное оружие, которое положено тебе по сюжету?!»

Юй Шаолина заполонили недоуменные вопросы. Видя, что Ци Фань даже не думает менять решение, он не выдержал и негромко предостерёг его:

— Ты хорошо подумал? Точно хочешь пойти здесь?

Ци Фань безмолвно кивнул. Заметив замешательство старшего брата, он робко, с затаённой надеждой спросил:

— Гэгэ считает, что мне не стоит туда идти?

«Ещё бы! — мысленно взвыл Юй Шаолин. — Твой путь — это гора клинков или море пламени!»

Но раскрывать карты было нельзя, поэтому он лишь выдавил страдальческую мину, отчаянно пытаясь сдержать рвущиеся наружу слова. Ци Фань пристально наблюдал за ним несколько мгновений, а затем тихо, но непреклонно произнёс:

— Но мне хочется выбрать именно этот путь.

Что ж, хозяин — барин. Пусть развлекается.

Вскоре все определились с выбором. Перед самым разделением Е Цзюэ внезапно ухватил Юй Шаолина за плечо и негромко, но веско процедил:

— Ци Фань — ученик моей секты Сицзянь. Я не хотел, чтобы он шёл на верную смерть, но ты вмешался и всё перевернул с ног на голову. Раз уж так вышло, слушай меня внимательно: если он погибнет или останется калекой, отвечать за это будешь ты лично.

«Не переживай так, молодой глава. Даже если мы все тут кости сложим, этот монстр выйдет сухим из воды», — подумал Юй Шаолин, однако вслух ответил со всей возможной уверенностью:

— Не беспокойся, Е Цзюэ, я присмотрю за ним.

Е Цзюэ лишь презрительно фыркнул и, не оборачиваясь, шагнул на тропу «Тяжкого шага вперёд».

— Ну, нам тоже пора, — Юй Шаолин кивнул А-Бао и Ци Фаню.

Оба послушно последовали за ним, и втроём они ступили на каменные ступени, ведущие к «Напрасному повороту назад».

Хотя физическая расправа здесь никому не грозила, Юй Шаолин не терял бдительности. С самого первого шага он подобрался, готовый к любой неожиданности, и инстинктивно держался чуть впереди, заслоня собой спутников от возможной беды.

А-Бао давно привык к опеке своего старшего брата, поэтому даже бровью не повёл. А вот Ци

Фань, похоже, изумился. Он удивлённо вскинул взгляд на Юй Шаолина, но тут же поспешно опустил голову, пряча лицо в тени повязки странника. О чём он думал в этот момент, оставалось лишь догадываться.

Ступени круто уходили во тьму подземелья. В полной тишине они медленно спускались вниз. Лишь заунывный свист ветра метался между каменными стенами, нагоняя тоску и ощущение беспросветного одиночества. Давящее молчание вскоре стало невыносимым, и Юй Шаолин решил разрядить обстановку:

— Да пока вроде ничего страшного. Как вы себя чувствуете?

Но вечно неугомонный А-Бао на этот раз даже не улыбнулся. Он уныло плёлся позади, понутив голову, и на его лице явственно читалось страдание.

— Сам не знаю, гэгэ... Мне почему-то очень не по себе.

— Что случилось? — Юй Шаолин встревоженно остановился и бережно привлёк младшего соученика к себе. — Сильно накрыло? Может, мне понести тебя?

А-Бао вяло мотнул головой, но его взгляд затуманился и стал всё более отсутствующим. Без сомнения, это было коварное воздействие здешних чар. Юй Шаолин нахмурился от беспокойства и строго наказал ему:

— Сосредоточься на дыхании и постарайся ни о чём не думать. Если станет совсем невмоготу — сразу говори мне.

Успокоив А-Бао, он повернулся к Ци Фаню. Тот тоже выглядел неважно: бледный как полотно, он упрямо закусил губу, изо всех сил стараясь скрыть слабость.

— Тебе тоже нездоровится?

— Я в порядке, — глухо отозвался Ци Фань.

Несмотря на изнеможение, он смотрел лихорадочно блестящими глазами. В самой глубине зрачков колыхалось странное, пугающее пламя, от которого перехватывало дыхание. Сердце Юй Шаолина пропустило удар. Смутившись от этого пристального, гипнотического взгляда, он поспешно отвернулся.

Они спустились ещё на несколько пролётов, когда А-Бао внезапно лишился сил. Он пошатнулся и мешком рухнул прямо на каменные плиты, тяжело и прерывисто дыша.

— А-Бао! — Юй Шаолин бросился к нему.

Младший брат лишь слабо отмахнулся, ловя ртом воздух:

— Гэ... не трать на меня силы. Я... кажется, больше не сделаю ни шагу. Оставь меня здесь.

— Что за глупости ты городишь? Раз уж я привёл тебя сюда, то и вытащу обратно, — отрезал Юй Шаолин и решительно повернулся к нему спиной. — А ну хватайся за плечи, я понесу тебя.

— Но...

— И без «но»! Меньше слов, забирайся давай, — не терпящим возражений тоном скомандовал старший брат.

А-Бао спорить не посмел. Кое-как приподнявшись, он робко обхватил шею Юй Шаолина руками. Младший шиди заговорил голосом, дрожащим от подступающих слёз:

— Прости, гэгэ... Я только обуза для тебя.

— Вот именно. Так что впредь не отлынивай от тренировок, слушай наставников и прекрати сбегать с занятий при каждом удобном случае. И перестань опаздывать на утренние медитации! И поменьше собирай сплетни... Хотя нет, сплетни оставь, без твоих баек я со скуки умру.

Юй Шаолин негромко рассмеялся, заставив пристыженного А-Бао шмыгнуть носом и жалобно заскулить:

— Обещаю... я правда буду стараться.

Старший брат слегка хлопнул его пониже спины:

— Понял ошибку — искупи делом, нечего сырость разводить. Устал? Ну так поспи немного. Закрой глаза, а проснёшься — мы уже на воле.

— Хорошо, гэгэ...

А-Бао, обладая на редкость отходчивым нравом, действительно засопел уже через пару минут. Слушая его мерное, тихое посапывание, Юй Шаолин лишь покачал головой.

Чем глубже они спускались, тем сильнее становилось невидимое давление. В мыслях Юй Шаолина замелькали обрывки чужих голосов, смутные, колеблющиеся образы, подобные теням на ширме. Разобрать или удержать их не получалось, но от этого хаоса Юй Шаолина сдавило тяжёлым, липким предчувствием беды.

Ци Фань безмолвно шагал рядом, не проронив ни слова. Пытаясь разогнать сгущающийся мрак, Юй Шаолин обратился к нему:

— Послушай, ты как-то обмолвился, что на твоей родине старших зовут «гэгэ». Откуда ты родом?

В романе «Путь бессмертного к уничтожению мира», который Юй Шаолин читал в прошлой жизни, о происхождении главного героя почти ничего не говорилось — то ли автор не успел дописать, то ли просто упустил этот момент. Юй Шаолиню всегда было любопытно, какая тайна скрывается за прошлым Ци Фаня.

Юноша на мгновение замешкался, а затем тихо ответил:

— Я родился в Ганьчжоу.

— О, так это совсем рядом с нашими краями! — Юй Шаолин удивился. Надо же, грозный Владыка демонов оказался южанином. — Но почему тогда ты не пришёл в павильон Яньюнь, а подался на север, в секту Сицзянь?

Ци Фань промолчал. Юй Шаолин запоздало вспомнил, что сейчас южные школы переживают упадок, уступая северным во всём. Главному герою по статусу полагалось учиться у сильнейших, так что его выбор был вполне логичен. Слегка уязвлённый за родной павильон, но не желая подавать виду, он сменил тему:

— А твои родители? Тоже заклинатели?

— Нет, самые обычные люди.

«Да ладно?!» — мысленно изумился Юй Шаолин.

Если его родители — простые смертные, почему автор книги ни разу о них не заикнулся? Может... их уже нет в живых? Юй Шаолин перебирал в голове разные варианты, не решаясь спросить напрямую, но Ци Фань словно прочитал его мысли. Юноша странно, затаённо усмехнулся.

— Мои родители живы и здоровы. Вот только они обычные крестьяне, и им, конечно, далеко до почтенных предводителей павильона Яньюнь.

Этот подобострастный тон покоробил Юй Шаолина, и он недовольно нахмурился:

— К чему эти сравнения? Для любого сына его родители — самые лучшие на свете, этого более чем достаточно.

— Гэгэ прав, — покорно согласился Ци Фань.

— И чем же они занимаются?

— Простым трудом. Отец возделывает небольшой клочок земли, а матушка держит двух кур. Надеюсь, когда я вернусь в следующий раз, она угостит меня свежими яйцами.

Юй Шаолин лишился дара речи. Вот уж не ожидал он от будущего властелина тьмы такой трогательной простоты.

Пока он раздумывал, что ответить, впереди справа показалось тусклое свечение. Там, в стороне от их лестницы, открывался проход в просторную пещеру, заставленную бесчисленными стеллажами со свитками и древними книгами.

«Книжный терем Ланхуань!» — мгновенно догадался Юй Шаолин, и на душе у него потеплело.

Однако радоваться было рано: призрачный проход уже начал понемногу поглощаться клубящейся тьмой, сужаясь на глазах. Доступ в тайную библиотеку открывался лишь на краткий миг, и нужно было торопиться, если они хотели успеть забрать редкие свитки.

Он уже собирался окликнуть Ци Фаня, чтобы вместе броситься к заветной пещере, как вдруг юноша пошатнулся. словно от сильного удара, он согнулся пополам и судорожно схватился за грудь.

— Ци Фань! — испуганно воскликнул Юй Шаолин, подхватывая его. — Что с тобой? Где болит?

Ци Фань лишь безмолвно хрипел, не в силах вымолвить ни слова, а его глаза стремительно наливались пунцовой кровью.

«Да что с ним такое?» — метались панические мысли в голове Юй Шаолина. Они ведь просто безобидно болтали о доме и родителях, откуда взялся этот внезапный приступ? Но раздумывать времени не оставалось — нужно было срочно спасти парня.

Придерживая спящего А-Бао одной рукой, Юй Шаолин протянул вторую и крепко сжал ладонь Ци Фаня, пытаясь поделиться теплом.

Реакция последовала незамедлительно. словно от ожога, юноша дико отшатнулся. От него волной хлынула удушливая, леденящая душу жажда убийства. С искаженным лицом и алыми глазами Ци Фань уставился на Юй Шаолина так, будто вознамерился разорвать его на куски.

— Ци Фань, очнись! — крикнул Юй Шаолин, силясь докричаться до его ускользающего разума.
— Посмотри на меня! Это я, Юй Шаолин! Твой гэгэ!

Эти слова будто пробили пелену безумия. На миг Ци Фань замер, вглядываясь в лицо старшего брата. Но затем он хищно и безумно усмехнулся. С диким рычанием он рванулся вперёд и мёртвой хваткой вцепился зубами в шею Юй Шаолина — словно изголодавшийся зверь, настигший добычу и рвущий её плоть. В этом отчаянном порыве сквозило свирепое желание утащить за собой на самое дно, сгореть в одном пламени.

Юй Шаолин зашипел от резкой боли, но, к его облегчению, Ци Фань хотя бы перестал метаться, намертво застыв в объятиях. В это же время призрачный ход к книжному терему Ланхуань исказился окончательно и с тихим шорохом схлопнулся, исчезнув без следа.

Юй Шаолин лишь на долю секунды пожалел об упущенных сокровищах библиотеки. Сжав зубы, он ухватил Ци Фаня за запястье и принялся бережно вливать свою духовную силу в его меридианы.

Он надеялся, что чистая энергия поможет укротить бушующий в жилах юноши хаос и вернёт ему самообладание. Однако Юй Шаолин забыл об одной простой истине: отдавая последние крохи силы, он сам становился беззащитным перед коварным влиянием этой тропы. И демоны сердца не заставили себя ждать.

Вихрь обрывочных воспоминаний в голове завертелся с безумной скоростью и обрушился на него сокрушительной волной. В глазах потемнело.

Когда зрение вернулось к нему, Юй Шаолин обнаружил, что стоит у подножия раскидистой сосны в родном павильоне Яньюнь.

«Ручей журчит среди грядок с зельем, на камне внемлешь ветра пенью...» Некогда это уединённое, исполненное поэзии место теперь было залито багровой кровью. У корней вечнозелёного дерева лежала женщина.

Она умирала.

Это была госпожа Юй — его матушка, чьё тепло и любовь он обрёл в этой новой жизни.

Сердце Юй Шаолина сжалось от невыносимой боли. Он отчаянно рвался к ней, хотел зажать рану, помочь, но тело словно окоченело и не слушалось его.

Чувствуя приближение смерти, госпожа Юй через силу приоткрыла глаза и намертво вцепилась в его руку. Её пальцы сжимали его запястье с такой отчаянной силой, что на бледной коже проступили багровые полосы.

— Шаолин... пообещай А-Нян... сбереги его...

В этом кошмаре он плакал навзрыд, размазывая слёзы по лицу, и в панике зажимал сочащуюся

кровью рану на её груди, точно беспомощный ребёнок.

— А-Нян, умоляю, молчи, не трать силы! Тебе нужно отдохнуть, матушка...

— Пообещай...

— Обещаю! Я всё исполню, слышишь?! Всё, что велишь!

Только тогда женщина облегчённо вздохнула. В её остекленевшем взоре промелькнуло умиротворение, и она затихла навсегда. Она слабо и едва заметно улыбнулась — знак того, что её душа наконец обрела покой.

«Матушка! А-Нян!!!»

Юй Шаолин сорвал голос в безмолвном крике, но кровавое видение растаяло, осыпавшись пеплом.

Тьма сомкнулась вновь, и в следующее мгновение он очутился в тесной железной клетке. Крошечное, душное пространство давило со всех сторон. На его шее покоился тяжёлый ошейник, а цепь, уходящая к стальным прутьям, была натянута так туго, что он не мог даже приподнять голову.

В таких казематах держали не пленников.

Так умирляли диких, свирепых зверей.

Послышались неторопливые шаги. Из-за сковавших тело пут Юй Шаолин мог видеть лишь носки дорогих, расшитых золотом сапог вошедшего. Незнакомец небрежным движением носка приподнял его лицо за подбородок. Железные звенья больно врезались в кожу на затылке, обжигая шею огнём.

Юй Шаолин сквозь силу вглядывался в полумрак, пытаясь рассмотреть лицо мучителя, но оно оставалось скрыто плотной дымкой. Раздался голос — ледяной, лишённый малейших человеческих чувств, однако слова лились вкрадчиво, с пугающей, почти любовной нежностью:

— Плачешь? Больно тебе? Или, быть может... ты счастлив?

Сказать хоть слово было невозможно. Чужие пальцы скользнули по его щеке, бесцеремонно оглаживая шею. Новый шёпот, похожий одновременно на проклятие и на искушение, прозвучал прямо над ухом:

— Тебе не сбежать от меня. Ты принадлежишь мне. Это твой долг передо мной.

Окружающее пространство вновь поплыло, оборачиваясь роскошными покоем. Подушки, шёлковые простыни, алые волны тяжёлого покрывала... Он лежал, прижатый к постели чьим-то сильным телом, не в силах пошевелить даже пальцем. С ним обходились безжалостно, как с послушной куклой, лишая остатков гордости. Тот, кто возвышался над ним, методично уничтожал его волю, но продолжал сжимать в удушающих объятиях, упиваясь его беспомощностью.

«Почему?! Что всё это значит?!»

Осколки чужого будущего? Истинные воспоминания о грядущем или же просто кошмары, порождённые зловещей тропой? Разум Юй Шаолина разрывался на части под натиском пугающих видений.

На самой границе угасающего сознания тихим эхом прозвучал бесстрастный, отрешённый голос. Он вещал из ниоткуда, словно зачитывал древний приговор:

«Напрасный поворот назад?.. Коль нити кармы сожжены, куда оглядываться? Ты никогда не ведал сомнений и не принадлежишь этому кругу перерождений. Тебе здесь не место. Возвращайся».

<http://bllate.org/book/18172/1747577>